

И. В. Зыкин

**ЛЕСНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
СОВЕТСКОГО СЕВЕРА В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК***

doi: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-190-199

УДК 94(571.51)“1920/1930” ББК 63.3(253.5)614

Целью статьи является изучение лесопромышленной деятельности в условиях формирования региональных административно-территориальных и хозяйственных структур на севере Советского Союза в годы первых пятилетних планов. Лесная промышленность должна была обеспечить, во-первых, экспорт лесных ресурсов и материалов для получения валютных средств и, во-вторых, удовлетворение внутренних потребностей страны. Планы по развитию отрасли и их реализация оказались тесно связаны с административно-территориальными преобразованиями в 1920–1930-х гг., созданием и функционированием хозяйственных организаций. В слабоосвоенных северных и восточных районах страны они превратились в значимый козырь в действиях партийно-государственных и хозяйственных деятелей. Это обусловило появление ряда противоречий, конфликтов, что показано на примерах Северного края и района г. Игарки. Потенциал принимавшихся решений оказался кратковременным, подходящим для достижения конкретных, узких целей, но при этом затронул крупные территории. Результатом региональной и хозяйственной — по отношению к лесной промышленности — политики советской власти стала, помимо разукрупнения регионов, постепенная переориентация отрасли на удовлетворение внутренних потребностей. Этот процесс базировался на производственной и транспортной инфраструктуре, созданной в конце 1920-х — начале 1930-х гг. для экспорта древесины. В то же время проекты предприятий, нацеленных на удовлетворение внутренних потребностей страны, по большей части не были реализованы.

Ключевые слова: *первые пятилетки, лесная промышленность, регионы, административно-территориальные единицы, хозяйственные организации, Северный край, Игарка*

Советская власть, осуществляя политику индустриализации, придавала большое значение размещению промышленных предприятий и административно-территориальному делению страны. В условиях формирования централизованной экономической системы эти процессы наделялись специфичными функциями, в результате чего становились неизбежными противоречия и конфликты между государственными, региональными и местными органами власти и хозяйственными организациями. Особенно это проявилось в осваивавшихся богатых природными ресурсами северных и восточных районах Советского Союза: на Европейском Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке. Проекты по развитию лесной про-

мышленности, которую следует считать одной из передовых отраслей в деле освоения этих территорий, явились важным козырем в действиях органов власти и хозяйственных организаций и в годы первых пятилеток были тесно связаны с мероприятиями по укрупнению, а затем разукрупнению административно-территориальных единиц.

Противоречивость оценок освоения северных и восточных районов страны, сформулированных за последние десятилетия, свидетельствует о необходимости более глубокого изучения материалов первых пятилетних планов и неопубликованного капитального труда экономистов Совета по изучению производительных сил Г. П. Чижа и В. И. Воздвиженского о пространственном размещении лесной промышленности в годы первых пятилеток.¹ В пользу специфики отраслевого развития в разных экономических системах говорит и то, что после экономического спада в 1990–2000-х гг. наблюдается повышение роли Европейского Севера и Восточной Сибири в лесной промышленности. То есть сформулированные в 1920–1930-х гг. ключевые направления развития лесной промышленности (освоение

Зыкин Иван Валерьевич — к.и.н., с.н.с. лаборатории цифровых технологий в историко-культурных исследованиях, Уральский федеральный университет; докторант, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: zivverh@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

¹ См.: РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 23.

лесных массивов северных и восточных районов страны, повышение значения механической обработки и глубокой переработки древесины в лесопользовании, внутриотраслевое и межотраслевое комбинирование) оказались во многом устойчивыми в течение продолжительного периода. В связи с этим обращение к пространственному развитию отрасли и, в частности, к ее роли в региональном развитии представляется важным для формулирования перспектив лесной промышленности.

Публикации экономистов и плановиков 1930-х гг.,² а также ряда поздних работ³ свидетельствуют о конструировании авторами пространства лесной экономики Советского Союза, где физико-географический и транспортный факторы играли решающую роль. В 1930-х гг. в журнале «Плановое хозяйство» было опубликовано существенное количество статей об экономике макрорегионов,⁴ административно-территориальных единиц,⁵ где лесная отрасль играла значимую роль, и отдельных лесопромышленных узлах.⁶ Работы послевоенного периода характеризуются упором на изучение региональной истории и роли партийно-государственных органов в осуществлении индустриализации.⁷ Наиболее концепту-

альным трудом следует признать монографию эстонского лесоведа, экономиста К. В. Альгвере, в котором развитие лесной промышленности СССР и его регионов рассматривается через призму исторических, географических и экономических факторов.⁸

Среди современных исследований следует отметить те, в которых осуществлены попытки пространственного анализа регионального развития в годы первых пятилеток.⁹ Однако ряд вопросов требует дополнительного исследования. Так, в годы первых пятилеток активные административно-территориальные преобразования, разработка и реализация масштабных экономических проектов межрегионального (Урало-Кузбасс; Крайний Север) и регионального (Северный край — «всесоюзная лесопилка», «валютный цех стран»; Приангарье) уровня свидетельствуют о большом значении лесной промышленности в формировании и функционировании новых региональных административно-территориальных и хозяйственных структур (порой замкнутых на выполнении одной конкретной задачи) в осваивавшихся северных и восточных районах Советского Союза.

Р. Ф. Туровский выделяет два типа понимания пространства — пространства географического и «объема, в котором наблюдаются политические процессы».¹⁰ Перспективным представляется анализ пространства методами Ф. Броделя: посредством оценки влияния внешней среды и факторов, обуславливающих

² См.: Бененсон Г., Гугель Г. Очередные вопросы снабжения народного хозяйства лесом // Плановое хозяйство. 1941. № 5. С. 27–36; Бурень С. О резервах лесной промышленности // Плановое хозяйство. 1940. № 2. С. 50–55; Воздвиженский В. Развитие лесной промышленности и размещение ее в третьей пятилетке // Плановое хозяйство. 1937. № 9–10. С. 78–86; Чиж Г. Узкие места лесной промышленности // Плановое хозяйство. 1939. № 2. С. 99–116; Чуистов В. О развитии бумажной промышленности // Плановое хозяйство. 1939. № 10. С. 63–71; Katkoff V. Timber Industry of the U.S.S.R. // Economic Geography. 1940. Vol. 16, no. 4. P. 390–406.

³ См.: Бененсон Г. М. Древесина в народном хозяйстве СССР. М.; Л., 1947; Славин С. В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М., 1961.

⁴ См.: Капитонов И., Славин С. Проблемы освоения Севера во второй пятилетке // Плановое хозяйство. 1932. № 3. С. 168–189; Колосовский Н. К пятилетию УСК // Плановое хозяйство. 1935. № 7. С. 114–133.

⁵ См.: Александров И. Ангаро-Байкальский район // Плановое хозяйство. 1933. № 7–8. С. 67–78; Богорад Д. Современная экономика Красноярского края и перспективы его развития // Плановое хозяйство. 1936. № 12. С. 108–124; Рослов Н., Пругавин С. Основные проблемы развития лесной промышленности Северной области // Плановое хозяйство. 1936. № 12. С. 97–107; Славин С. Вопросы хозяйственного освоения Ухта-Печорского края // Плановое хозяйство. 1935. № 7. С. 134–155.

⁶ См.: Богорад Д. Енисейский лесопромышленный комплекс // Плановое хозяйство. 1938. № 2. С. 126–132.

⁷ См.: Бабкина К. Я. Борьба коммунистической партии за выполнение первой пятилетки в области лесной промышленности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955; Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Л., 1969. Т. 4; Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Урала в 1933–1937 гг.: автореф.

дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1979; Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Петрозаводск, 1959. Вып. 19: Вопросы рационального использования лесов Карелии; Пятаковский В. П. Осуществление ленинской программы развития производительных сил Европейского Севера СССР (1917–1941 гг.): автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Ленинград, 1974.

⁸ См.: Algreve K. V. Forest Economy in the U.S.S.R. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities. Stockholm, 1966.

⁹ См.: Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. М., 2011; Кулагин О. И. «Эффект колеи» зависимости в лесной промышленности Карелии как фактор социально-экономического развития региона в конце XIX — XX вв. // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 145–152; Шубин С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы. Архангельск, 2000; Bruno A., Kalemeneva E. Creating the Soviet Arctic, 1917–1991 // The Cambridge History of the Polar Regions. Cambridge, 2023. Ch. 19; Josephson P. R. The Conquest of the Russian Arctic. Cambridge; London, 2014; Фельдман М. А., Зыкин И. В. Пространственное размещение промышленности СССР в годы предвоенных пятилеток: замысел и реализация советского индустриального проекта. Екатеринбург, 2022.

¹⁰ Туровский Р. Ф. Геопространство и метапространство: географические методы в политологии // Метод. 2015. № 5. С. 72, 73.

целостность территориальной системы; рассмотрения проявлений экономической деятельности, истории групп и коллективных образований; выявления ключевых событий и акторов.¹¹ В рамках данного подхода представляется актуальным обратиться к исследованию лесопромышленной деятельности и регионального развития в годы первых пятилеток на примерах территорий Советского Севера:¹² Северного края, существовавшего в 1929–1936 гг., и района Игарки, основанного в 1929 г. (город с 1931 г.).

В конце 1920-х — начале 1930-х гг., начавшая административно-территориальные реформы, институциональные преобразования и лесопромышленные проекты на Севере, партийно-государственные деятели вынуждены были считаться также с физико-географическими факторами (состояние лесных насаждений, направление течения рек) и дефицитом транспортных путей. Именно здесь возникали ключевые противоречия: в масштабе административно-территориальных единиц и хозяйственных организаций, в задачах и направлениях развития лесной промышленности, формах пространственного размещения предприятий и транспортных путей.

Создание Северного края в конце 1920-х гг. является наиболее показательной попыткой партийно-государственных органов вписать одну отрасль — лесную промышленность — с единственной базовой функцией экспорта лесных ресурсов и материалов в пространство макрорегиона. Политический дискурс по этому вопросу активно формировался в 1920-х гг., начиная с высказывания В. И. Ленина о необходимости эксплуатации лесных массивов на Европейском Севере с целью экспорта древесины и затем на партийных съездах и конференциях и в ходе обширной межрегиональной дискуссии о будущем этих территорий. Созданный в 1921 г.

трест «Северолес», осуществлявший лесопромышленную деятельность на территории нескольких губерний Европейского Севера, можно считать предвестником идеи создания единой административно-территориальной единицы и превращения ее в «валютный цех страны».

Одним из главных проводников этой идеи являлся секретарь Архангельского губернского комитета ВКП(б) (позже Северного краевого партийного комитета) С. А. Бергавинов, о чем свидетельствовали его выступления на XV съезде (декабрь 1927 г.), XVI конференции (апрель 1929 г.) ВКП(б) и региональных мероприятиях.¹³ Непременными козырями руководителя региона являлись крупные запасы древесины и возможность строительства новых лесопильных предприятий, ориентированных на экспорт, что позволяло в короткие сроки окупить государственные вложения. В этом была своя логика. Осознание партийно-государственными органами потенциала экспорта древесины для получения валютных средств позволяло С. А. Бергавинову требовать увеличения инвестиций в лесную промышленность и расширения полномочий по руководству отраслью (то есть децентрализации управления).

В ходе обширной дискуссии, развернувшейся в конце 1920-х гг. по вопросу будущего административного устройства Европейского Севера и вектора его экономического развития, где столкнулись позиции региональных (Вологодской, Северо-Двинской губерний) и центральных элит, привлекательные идеи получения валюты за счет экспорта лесных ресурсов и материалов, модернизации лесной промышленности, которые продвигало руководство Архангельской губернии, одержали верх.¹⁴ В результате впервые в практике региональной политики государства была создана крупная административно-территориальная единица — Северный край (в составе Архангельской, Северо-Двинской, Вологодской губерний и Коми автономной области), — на которую возлагалась задача по увеличению объемов лесопромышленной деятельности и экспорта древесины.

Неслучайно в первом пятилетнем плане Северный край рассматривался в экономическом

¹¹ См.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2002. Ч. 1. С. 20, 21.

¹² См.: Капитонов И., Славин С. Указ. соч. С. 168. Авторы относились к Северу Кольский полуостров, Карельскую АССР, Северный Урал (севернее г. Надеждинска, Соликамска) и бывший Тобольский округ, Западную Сибирь (севернее района, охватываемого Урало-Кузнецким комбинатом, то есть часть бывших Томского и Тарского округов), Восточную Сибирь (севернее г. Черемхово и оз. Байкала), Якутскую АССР, Дальневосточный край (до Хабаровска, район севернее Усурийской железной дороги и далее севернее 50-й параллели), Северный край в его административных границах. Подробнее о концепциях пространственной локализации Севера см. также: Тараканов М. А. Эволюция пространственной локализации понятий «Крайний Север» и «Север» в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. Т. 6, № 26 (83). С. 32–41.

¹³ См.: XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 815–818; XVI конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1929. С. 108–109; Бергавинов С. А. За социалистическую индустриализацию Севера. Доклад о работе Севкрайбюро ЦК ВКП(б) на первой Северной краевой партконференции. Архангельск, 1929.

¹⁴ См.: Шубин С. И. Указ. соч. С. 313.

и пространственном отношении как «огромный лесотранспортный комбинат». За первую пятилетку объемы заготовки древесины и выпуска пиломатериалов должны были возрасти в несколько раз и достигнуть к 1932/1933 г. около 40 млн и 6,5 млн куб. м соответственно. Планировалось создание нескольких центров целлюлозно-бумажной промышленности.¹⁵

Несмотря на трудности в выполнении первого пятилетнего плана, руководство Северного края сохраняло оптимизм, подогревавшийся политикой высших партийно-государственных органов по развитию лесной промышленности при разработке плана второй пятилетки.¹⁶ Позитивными тенденциями стали признание однобокого характера развития отрасли и рост внимания к механической обработке и глубокой переработке древесины.

Грандиозные планы развития лесной промышленности были зафиксированы в резолюции III Северной краевой конференции ВКП(б) и постановлении III пленума Северного крайисполкома по докладу о второй пятилетке Северного края в начале 1932 г. К 1937 г. планировалось заготовить до 100 млн куб. м деловой древесины, произвести примерно 3 млн стандартов пиломатериалов и изделий из дерева.¹⁷ Лесная промышленность рассматривалась в качестве базовой отрасли региона, но в контексте развития энергетики и добычи полезных ископаемых.¹⁸

Отражением внешне успешного функционирования Северного края и его главной отрасли — лесной промышленности — стало выступление на XVII съезде ВКП(б) (начало 1934 г.) секретаря Северного краевого комитета партии В. И. Иванова.¹⁹ По второму пятилетнему плану Северный край еще более усиливал свои позиции в лесной промышленности страны.²⁰ Реализация грандиозных планов позволила бы краю преодолеть сырьевую направленность отрасли. В частности, в середине 1930-х гг. в Ар-

хангельске начали работать завод лесного машиностроения и целлюлозный завод. Началось возведение Архангельского целлюлозно-бумажного комбината, чуть позже — Котласского.

Идея создания и функционирования крупной административно-территориальной единицы — Северного края с развитой и ориентированной на внешний рынок лесной промышленностью оказалась для региональных элит заразной и привлекательной. Однако партийно-государственные деятели края не сумели уловить логику сталинской индустриализации, одним из результатов которой должно было стать освобождение Советского Союза от импортной зависимости. В своих выступлениях они говорили о необходимости увеличения в первую очередь объемов лесного экспорта, тогда как начало строительства ряда целлюлозно-бумажных, гидролизных предприятий (в районе Архангельска, Котласа) обсновывалось комплексной переработкой древесины для внутренних потребностей.

Ситуация же вокруг роли лесной промышленности стремительно менялась. Во-первых, создание Народного комиссариата лесной промышленности и ликвидация территориальных лесопромышленных объединений привели к централизации управления отраслью в столице. Во-вторых, с середины 1930-х гг. роль экспорта лесных ресурсов и материалов во внешней торговле СССР стала снижаться, в пространстве Северного края формировались новые отрасли и транспортные потоки, ориентированные в первую очередь на внутреннее потребление, и существование крупной административно-территориальной единицы становилось нецелесообразным. Если в 1929/1930 г. соотношение назначения добывавшихся в Северном крае лесных ресурсов определялось пропорцией 60:20:20 (соответственно для нужд экспорта — 11,48 млн куб. м, для края — 3,78 млн, для других регионов — 3,87 млн), то в 1936 г. произошли существенные изменения — 41:23:36 (соответственно для нужд экспорта — 11,18 млн куб. м, для края — 6,15 млн, для других регионов — 9,55 млн).²¹

Максимальные показатели заготовки древесины и производства пиломатериалов были достигнуты к середине 1930-х гг.²² Однако истощение доступных лесных массивов стало негативно отражаться на снабжении лесопильных

¹⁵ См.: Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М., 1930. Т. 3. С. 522–531.

¹⁶ См.: Рослов Н. Задача второй пятилетки Севера // Красный Север. 1932. 11 апр. С. 2.

¹⁷ См.: За большевистский план второй пятилетки Северного края (к краевой конференции по второй пятилетке). Архангельск, 1932. С. 20, 21, 25–27.

¹⁸ См.: XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1932. С. 66, 95, 123–124, 244, 248–249, 259.

¹⁹ См.: XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 96.

²⁰ См.: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). М., 1934. Т. 1. С. 627–637.

²¹ См.: Шубин С. И. Указ. соч. С. 309.

²² См.: Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 4. С. 24; Шубин С. И. Указ. соч. С. 313, 315.

заводов. Более того, сложившиеся за первую и вторую пятилетку диспропорции в заготовке древесины, когда объемы рубки мелких сортиментов были незначительными,²³ угрожали истреблением пиловочника, без строительства предприятий по глубокой переработке древесины, в ближайшие два десятилетия.

В отношении возможности существования крупной административно-территориальной единицы были, безусловно, правы экономисты И. Капитонов и С. Славин, обосновавшие актуальность развития в пространстве Северного края (как и всего Советского Севера) ряда крупных лесопромышленных узлов, работавших на экспорт (Архангельский узел) и удовлетворение внутренних потребностей (Котласский, Сыктывкарский), связанных железными дорогами.²⁴ В деле освоения Севера в условиях централизованной экономики, где государство определяло приоритетные инфраструктурные проекты и транспортные потоки, данная модель могла стать жизнеспособной. Но контуры ее практической реализации еще только намечались и были нивелированы в итоге чередой административно-территориальных преобразований, сокращением экспорта древесины, организацией исправительно-трудовых лагерей.

Европейский Север в годы третьей пятилетки, состоявший — после разделов Северного края — из Архангельской, Вологодской областей и Коми автономной республики, переориентировался, сохраняя лидерство в экспорте лесных ресурсов и материалов, на снабжение древесиной центральных и южных районов СССР. При этом г. Архангельск еще более упрочил свое положение в лесопромышленной деятельности на Европейском Севере, обладая к 1941 г. большим числом лесопильно-деревообрабатывающих предприятий и двумя целлюлозно-бумажными комбинатами. Напротив, руководители Коми автономной области — до и после вхождения ее в состав Северного края и выхода из него с повышением статуса до автономной республики — активно продвигали, но в основном безрезультатно, проекты лесопромышленного строительства.

В 1938 г. руководство Архангельской области пыталось продвинуть проект образования Котласской области. Оно ссылалось на концентрацию там предприятий лесной промышленно-

сти и судостроения, а также на нерациональное движение древесины из южных районов региона в Архангельск и затем на внутренний рынок.²⁵ Идеи, которые звучали в ходе дискуссии об административном устройстве Европейского Севера в конце 1920-х гг., становились вновь актуальными для регионального руководства, но не для высших партийно-государственных органов.

В отличие от Европейского Севера, имевшего существенный задел в лесопромышленной деятельности с конца XIX — начала XX в., планирование лесной промышленности в Сибири, которому в немалой степени способствовало создание в 1925 г. крупного Сибирского края, опиралось на относительно развитую южную часть, где отмечался дефицит лесов, и слабо освоенную северную макрозону (Азиатский Север или — чуть уже — Крайний Север). Отсюда — большое внимание разработчиков Генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края на 1927–1941 гг. и первых пятилетних планов к северу территории.²⁶ Преимущества планов конца 1920-х гг. заключались в строительстве меридиональных и широтных железных дорог, позволявших приступить к освоению крупных лесных массивов. К 1937/1938 г. предприятия к северу от Транссибирской магистрали должны были производить 5,8 млн куб. м пиломатериалов (48 % от показателя по Сибирскому краю), 400 тыс. куб. м фанеры (66,7 %) и другую продукцию.²⁷

В 1930-х гг. в Сибири была осуществлена серия административно-территориальных преобразований. Однако северная макрозона (согласно постановлению СНК РСФСР от 8 сентября 1931 г.,²⁸ включала территории, расположенные к северу от Транссибирской магистрали, то есть арктическую зону и среднее течение р. Оби, Енисея и Лены) рассматривалась высшими партийно-государственными органами вне административного контекста. Новые стройки лесной

²⁵ См.: Холодный дом России: документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера. Архангельск, 1996. С. 299, 300.

²⁶ См.: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). М., 1934. Т. 1. С. 627–637; Материалы к генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930. С. 27, 3–4 (460–461), 10 (467), 18–20 (475–477), 25 (482), 47–51 (503–507), 58–59 (514–515); Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М., 1930. Т. 3. С. 233–234, 255–256.

²⁷ См.: Материалы к генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930. С. 26 (483).

²⁸ См.: Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР от 8 сентября 1931 г. № 957 «О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3781.htm (дата обращения: 09.04.2023).

²³ См.: Рослов Н., Пругавин С. Указ. соч. С. 101, 102.

²⁴ См.: Капитонов И., Славин С. Указ. соч. С. 169, 171, 175.

промышленности привязывались к бассейнам р. Оби, Енисея, и концепты «Крайний Север» и «Северный морской путь» доминировали в политическом и экономическом дискурсе.

Эти два концепта, имевшие физико-географическую и транспортную обусловленность, были дополнены хозяйственным обрамлением: сначала организацией «Комсеверопуть», с 1933 г. — Главным управлением Северного морского пути при СНК СССР. К середине 1930-х гг. Главсевморпуть стал планировать, в том числе благодаря исследованиям подведомственного Института по изучению экономики Севера, активное развитие лесной промышленности в пространстве Азиатского Севера, предполагая стать монополистом в отрасли, но с акцентом на внутреннее потребление.

В начале 1930-х гг. перспективно выглядело предложение экономистов И. Капитонова и С. Славина о создании в пространстве Азиатского Севера экспортного Игарского лесопромышленного узла; маневренных Обь-Иртышского комплекса и узла в устье р. Подкаменной Тунгуски; ориентированных на внутреннее потребление Енисейского узла и Якутского комплекса.²⁹ Разделение транспортных потоков по регионам не должно вводить в заблуждение, поскольку Азиатский Север — после критики идеи Северной железнодорожной магистрали — задумывался как конгломерат промышленных очагов. Идея экспорта древесины, носившего локальный (из бассейнов р. Оби и Енисея), но значимый характер, дополнилась идеей снабжения лесодефицитных территорий страны (центральная и южная части Европейской России, Средняя Азия) сибирским лесом. Как раз по второму пятилетнему плану намечалось создание в Сибири нескольких мощных узлов по механической обработке и глубокой переработке древесины,³⁰ чем закладывался потенциал роста лесной промышленности в северной макроне.

Несмотря на административно-территориальные преобразования 1930-х гг., концепт «Крайний Север» оказался весьма устойчивым. В середине 1930-х гг., в связи с разработкой третьего пятилетнего плана, Институт по изучению экономики Севера и Наркомлес намечали развитие лесной промышленности именно в пространстве Крайнего Севера, оперируя фантастическими, если учитывать низкий уро-

вень развития отрасли³¹ и слабую освоенность территории, цифрами. По мнению экономиста Н. В. Спецуро, в третьей пятилетке лесная промышленность Крайнего Севера должна была переориентироваться на удовлетворение внутренних потребностей.³²

Случай с Игарским лесным комбинатом в 1936 г. как раз наглядно демонстрирует, как даже местные власти пытались — и, скорее всего, вполне осознанно — манипулировать мнениями руководителей государственных и хозяйственных органов по вопросу ведомственной принадлежности этого важного предприятия и вписать его в иное, нежели Красноярский край, географическое пространство. Нужно отметить, что Игарский лесокombинат, работавший преимущественно на экспорт и пользовавшийся мировой известностью, являлся лишь конечным звеном более крупного комбината, подведомственного тресту «Севполярлес» Наркомлеса СССР, растянувшегося почти на 2 тыс. км вдоль среднего и нижнего течений Енисея. Исключение этого звена грозило комбинату сбоем в поставках древесины и выполнении экспортных заданий, а также, по сути, дискредитировало политику Советской власти по развитию комбинированных предприятий.

Секретарь Игарского горкома ВКП(б) В. П. Остроумова, побывавшая в 1935 г. в Москве на приеме у председателя ЦИК СССР и ВЦИК М. И. Калинина, имела иное видение перспектив лесокombината и изложила его в конце июня 1936 г. в письме председателю СНК СССР В. М. Молотову.

В. П. Остроумову возмущало то, что пространство Крайнего Севера, которое, в соответствии с постановлением СНК СССР от 20 июля 1934 г., развивало Главное управление Северного морского пути, Игарский лесокombинат оставался в ведении Наркомлеса. По ее представлению (хотя у этой идеи были и более влиятельные сторонники),³³ Главсевморпуть являлся хозяйственной организацией, работавшей на удовлетворение внутренних

²⁹ См.: Баевский И. Освоение Северного морского пути // Плановое хозяйство. 1935. № 1. С. 169.

³⁰ См.: Спецуро Н. В. Лесная промышленность в третьем пятилетии на Крайнем Севере // Советская Арктика. 1937. № 2. С. 81–88.

³¹ См.: РГАЭ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 130. Л. 4–5. Планируя развитие лесной промышленности, специалисты Института по изучению экономики Севера выступали за увеличение выпуска продукции для внутренних нужд, но также и за рост объемов экспорта.

²⁹ См.: Капитонов И., Славин С. Указ. соч. С. 169, 171, 175.

³⁰ См.: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). М., 1934. Т. 1. С. 627–637.

потребностей страны в разнообразных ресурсах и товарах, и в зоне его действия экспортно-ориентированному лесному комбинату не находилось места (по крайней мере в прежнем виде). В. П. Остроумовой явно импонировало монопольное положение Главсевморпути на Крайнем Севере, невзирая ни на административные границы, ни на работавшие здесь другие наркоматы и тресты с устоявшимися хозяйственными связями. Опыт строительства в Заполярье за несколько лет г. Игарки свидетельствовал в пользу того, что Крайний Север необходимо развивать, и лесная промышленность должна была удовлетворять в первую очередь внутренние потребности региона (к примеру, строительства Норильска, Нордвика). Поэтому В. П. Остроумова предложила передать Игарский лесокомбинат Главному управлению Северного морского пути с 1 июня 1936 г., сохранив за трестом «Севполярлес» функцию снабжения предприятия сырьем. Для придания большой стройности своей концепции она сделала акценты на негативных моментах работы предприятия. По мнению секретаря городского партийного комитета, Игарский лесокомбинат так и не стал в полной мере градообразующим предприятием.³⁴

Определенная логика в размышлениях В. П. Остроумовой была, поскольку Главсевморпуть действительно пытался развивать лесную промышленность в среднем течении р. Оби.³⁵ В этом случае у организации возникло два лесопромышленных очага, и отрасль органично вписывалась в экономику макрорегиона. Начальник Главного управления Северного морского пути О. Ю. Шмидт, не отрицая необходимости приобретения Игарского лесокомбината и финансовых проблем, подошел к вопросу его передачи более рационально. Он предлагал дать возможность предприятию завершить программу 1936 г. в системе Наркомлеса и осуществить приемку по состоянию на 1 января 1937 г.³⁶

Против передачи Игарского лесокомбината в систему Главсевморпути (разумеется, помимо Наркомлеса) выступило главное заинтере-

сованное ведомство — Народный комиссариат внешней торговли СССР. Заместитель народного комиссара С. К. Судьин был удовлетворен работой предприятия и Наркомлеса и считал реорганизацию, тем более с исключением сырьевой базы, вредной для главной задачи комбината — экспорта лесных товаров. Народный комиссар С. С. Лобов также считал изъятие комбината из системы Наркомлеса нецелесообразным.³⁷ Решение о ведомственной принадлежности Игарского лесокомбината принял Совет труда и обороны 3 августа 1936 г. — Игарский лесокомбинат остался в системе Наркомлеса.³⁸ Видимо, аргументы в пользу сохранения производственных связей между комбинатом и снабжавшими его леспромпхозами, наращивания экспорта древесины взяли верх.

Функционирование Игарского лесокомбината в составе Наркомлеса не означало сохранения приоритета экспорта древесины. В середине 1937 г. комбинат наряду с Енисейским и Маклаковским лесозаводами был передан из треста «Севполярлес» в трест «Красдрев».³⁹ Уже летом 1937 г. по постановлению СНК СССР суда Главсевморпути и Енисейского пароходства были задействованы для перевозки пиломатериалов в Мурманск (9 тыс. т) и Красноярск (9 тыс. т). При этом Народный комиссариат водного транспорта СССР выражал уверенность в том, что в случае благоприятных метеорологических условий доставит в Мурманск еще 5 тыс. т продукции и полностью выполнит правительственное задание.⁴⁰

Возникла парадоксальная ситуация: сначала древесина сплавлялась по Енисею до Игарского лесокомбината, где распиливалась, и затем продукция транспортировалась в обратном направлении, но уже до Красноярска. Данная ситуация — результат государственной политики, смены экспортного назначения лесного комбината на маневренное (в терминологии И. Капитонова и С. Славина). Отражением этих процессов стала публикация в ведущем экономическом издании страны — журнале «Плановая экономика» — статей Д. Богорада, в которых автор анализировал, в частности, место и перспективы лесной промышленности в экономике вновь образованного Краснояр-

³⁴ См.: ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 18. Д. 249. Л. 5–9.

³⁵ См.: Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 4. С. 51; Соколов А. А. Белогорский лесокомбинат // Советская Арктика. 1936. № 9. С. 45–46. Крупным проектом в среднем течении р. Оби (в 12 км ниже впадения р. Иртыша в Обь) являлся Белогорский лесокомбинат (по своему потенциалу был близок к Тавдинскому лесокомбинату в Свердловской области). В 1938 г. был построен только 1-рамный лесопильный завод, который передали Наркомлесу.

³⁶ См.: ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 18. Д. 249. Л. 15–17.

³⁷ См.: Там же. Л. 11–14.

³⁸ См.: Там же. Л. 1–2, 4.

³⁹ См.: В Наркомлесе // Лесная промышленность. 1937. 3 июля. С. 4.

⁴⁰ См.: ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 20. Д. 138. Л. 1, 4, 6–10.

ского края.⁴¹ В связи с началом военных действий в Европе в 1940 г. экспортную функцию Игарский лесокombинат выполнять прекратил (основным потребителем лесных материалов являлась Великобритания).

Подводя итоги, следует отметить значимую роль лесной промышленности в региональном развитии в условиях индустриализации конца 1920-х — начала 1940-х гг. Это ярче всего проявилось в слабоосвоенных северных и восточных районах, где отрасль играла передовую роль и определяла экономический профиль. Базовым посылом, который активно обсуждался в политических кругах и определил динамизм этих процессов, стал экспорт лесных ресурсов и материалов для получения валютных средств. В результате лесная промышленность на Европейском Севере, где хозяйствовал мощный трест «Северолес», была встроена также в крупную административно-территориальную структуру и задавала вектор ее экономического развития. На Севере Сибири лесная промышленность стала развиваться в условиях физико-географического региона — Крайнего Севера, где Главное управление Северного морского пути попыталось (неудачно) стать монополистом в лесопромышленной деятельности на обширной территории.

Но главное — идея региона-комбината оказалась недолго живущей. Как только ближе к середине 1930-х гг. партийно-государственные деятели заявили о достижении ключевых задач индустриализации, экспорт лесных ресур-

сов и материалов стал сокращаться. Сложившиеся за короткий срок административные и хозяйственные связи оказались неактуальными. Северный край был разделен на несколько административно-территориальных единиц, а на Крайнем Севере так и не было создано крупных лесопромышленных узлов. Еще один важный момент — для экспорта древесины за несколько лет были построены предприятия в Архангельске и Игарке, тогда как проекты производств для удовлетворения внутренних потребностей, как и железные дороги, по большей части не были осуществлены. В результате работу предприятий в Архангельске и Игарке пришлось постепенно переориентировать на внутренний рынок, что сопровождалось существенными издержками. Идея комплексной переработки древесины существовала преимущественно в политическом дискурсе, на страницах отраслевых журналов и газет, и многие проекты остались нереализованными. В то же время милитаризация экономики в конце 1930-х — начале 1940-х гг. стимулировала строительство гидролизных и сульфитно-спиртовых заводов, чья продукция была востребована оборонно-промышленным комплексом, особенно на Европейском Севере, Урале и в Восточной Сибири. Основательно продуманная И. Капитоновым и С. Славиним концепция лесопромышленного освоения Советского Севера осталась невостребованной и воплощалась — с некоторыми изменениями — уже после Великой Отечественной войны.

Ivan V. Zykin

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS;
Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: zivverh@mail.ru

FOREST INDUSTRY AND REGIONAL DEVELOPMENT OF THE SOVIET NORTH DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLANS

The purpose of the article aims at studying the timber industry in the conditions of the formation of regional administrative-territorial and economic structures in the north of the Soviet Union during the first five-year plans. The forestry industry had to ensure the export of forest resources and materials to obtain foreign exchange funds and meet the domestic needs of the country. Plans for the development of the industry and their implementation turned out to be closely related to the administrative and territorial transformations in the 1920s and 1930s, the creation and functioning of economic organizations. In the poorly developed northern and eastern regions of the country, they became a significant trump card in the actions of party-state and economic figures. This led to a number of contradictions and conflicts, which is shown by the examples of Northern Krai and the Igarka district. The potential of the decisions taken turned out to be short-lived — to achieve

⁴¹ См.: Богорад Д. Енисейский лесопромышленный комплекс... С. 128–131; Он же. Современная экономика Красноярского края... С. 121, 122.

specific, narrow goals, but at the same time affected large territories. The result of the regional and economic — in relation to the forest industry — policy of the Soviet government was, in addition to the unbundling of the regions, the gradual reorientation of the industry to meet domestic needs. This process was based on the production and transport infrastructure created in the late 1920s — early 1930s for the export of wood. The projects of enterprises designed for meeting the domestic needs of the country, for the most part, have not been implemented.

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

Keywords: *first five-year plans, forest industry, regions, administrative-territorial units, economic organizations, Northern Krai, Igarka*

REFERENCES

- Aleksandrov I. [Angaro-Baikal Region]. *Planovoye khozyaystvo* [Planned Economy], 1933, no. 7–8, pp. 67–78. (in Russ.).
- Algere K. V. *Forest Economy in the U.S.S.R. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities*. Stockholm: Skogshögskolan Royal College of Forestry, 1966. (in English).
- Babkina K. Ya. *Bor'ba kommunisticheskoy partii za vypolneniye pervoy pyatiletki v oblasti lesnoy promyshlennosti: Avto-ref. kand. diss.* [The Struggle of the Communist Party for the Implementation of the First Five-Year Plan in the Field of the Timber Industry: Abst. Diss. Cand.]. Leningrad, 1955. (in Russ.).
- Baevsky I. [Development of the Northern Sea Route]. *Planovoye khozyaystvo* [Planned Economy], 1935, no. 1, pp. 159–172. (in Russ.).
- Baron N. *Vlast' i prostranstvo. Avtonomnaya Kareliya v Sovetskom gosudarstve, 1920–1939* [Soviet Karelia. Politics, Planning and Terror in Stalin's Russia, 1920–1939]. Moscow: ROSSPEN; Fond “Prezidentskiy tsentr B. N. Yel'tsina” Publ., 2011. (in Russ.).
- Belov M. I. *Istoriya otkrytiya i osvoyeniya Severnogo morskogo puti* [The History of the Discovery and Development of the Northern Sea Route]. Leningrad: Gidrometeorologicheskoye izd-vo Publ., 1969, vol. 4. (in Russ.).
- Benenson G. M. *Drevesina v narodnom khozyaystve SSSR* [Wood in the National Economy of the USSR]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye lesotekhnicheskoye izd-vo Publ., 1947. (in Russ.).
- Benenson G., Gugel G. [The Next Issues of Supplying the National Economy with Forest]. *Planovoye khozyaystvo* [Planned Economy], 1941, no. 5, pp. 27–36. (in Russ.).
- Bogorad D. [Modern Economy of the Krasnoyarsk Region and Prospects for its Development]. *Planovoye khozyaystvo* [Planned Economy], 1936, no. 12, pp. 108–124. (in Russ.).
- Bogorad D. [Yenisei Timber Industry Complex]. *Planovoye khozyaystvo* [Planned Economy], 1938, no. 2, pp. 126–132. (in Russ.).
- Braudel F. *Sredizemnoye more i sredizemnomorskiy mir v epokhu Filippa II* [The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002, part 1. (in Russ.).
- Bruno A., Kalemeneva E. Creating the Soviet Arctic, 1917–1991. *The Cambridge History of the Polar Regions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023, ch. 19, pp. 462–486. (in English).
- Buren S. [On the Reserves of the Timber Industry]. *Planovoye khozyaystvo* [Planned Economy], 1940, no. 2, pp. 50–55. (in Russ.).
- Chizh G. [Narrow Places of the Timber Industry]. *Planovoye khozyaystvo* [Planned Economy], 1939, no. 2, pp. 99–116. (in Russ.).
- Chuistov V. [On the Development of the Paper Industry]. *Planovoye khozyaystvo* [Planned Economy], 1939, no. 10, pp. 63–71. (in Russ.).
- Feldman M. A., Zykin I. V. *Prostranstvennoye razmeshcheniye promyshlennosti SSSR v gody predvoennykh pyatiletok: zamysel i realizatsiya sovetskogo industrial'nogo proyekta* [Spatial Distribution of the Industry of the USSR during the Pre-War Five-Year Plans: The Concept and Implementation of the Soviet Industrial Project]. Ekaterinburg: OOO Universal'naya Tipografiya “Al'fa Print” Publ., 2022. (in Russ.).
- Josephson P. R. *The Conquest of the Russian Arctic*. Cambridge; London: Harvard University Press, 2014. (in English).

- Kapitonov I., Slavin S. [Problems of Development of the North in the Second Five-Year Plan]. *Planovoye khozyaystvo* [Planned Economy], 1932, no. 3, pp. 168–189. (in Russ.).
- Katkoff V. Timber Industry of the U.S.S.R. *Economic Geography*, 1940, vol. 16, no. 4, pp. 390–406. DOI: 10.2307/140949 (in English).
- Kolosovsky N. [On the Fifth Anniversary of the UKK]. *Planovoye khozyaystvo* [Planned Economy], 1935, no. 7, pp. 114–133. (in Russ.).
- Kulagin O. I. [The Effect of Path Dependence in Timber Industry of Karelia as a Factor of Social and Economic Development of the Region in the End of XIX–XX Centuries]. *Regional'nyye issledovaniya* [Regional Researches], 2015, no. 1 (47), pp. 145–152. (in Russ.).
- Kuznetsov A. F. *Bor'ba partiynykh organizatsiy za razvitiye lesnoy, derevoobrabatyvayushchey i tsellyulozno-bumazhnoy promyshlennosti Urala v 1933–1937 gg.: Avtoref. kand. diss.* [The Struggle of Party Organizations for the Development of the Timber, Woodworking and Pulp and Paper Industries of the Urals in 1933–1937: Abst. Diss. Cand.]. Sverdlovsk, 1979. (in Russ.).
- Pervozvansky I. V. [Essays on the Development of Forestry and Timber Industry in Karelia]. *Trudy Karel'skogo filiala Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Karelian Branch of the Academy of Sciences of the USSR]. Petrozavodsk: gosudarstvennoye izd-vo Karel'skoy ASSR Publ., 1959, iss. 19, pp. 5–75. (in Russ.).
- Pyatovsky V. P. *Osushchestvleniye leninskoy programmy razvitiya proizvoditel'nykh sil Evropeyskogo Severa SSSR (1917–1941 gg.): Avtoref. dokt. diss.* [Implementation of the Leninist Program for the Development of the Productive Forces of the European North of the USSR (1917–1941): Abst. Diss. Doc.]. Leningrad, 1974. (in Russ.).
- Roslov N., Prugavin S. [The Main Problems of the Development of Timber Industry of the Northern Region]. *Planovoye khozyaystvo* [Planned Economy], 1936, no. 12, pp. 97–107. (in Russ.).
- Shubin S. I. *Severnyy kray v istorii Rossii. Problemy regional'noy i natsional'noy politiki v 1920–1930-ye gody* [Northern Krai in the History of Russia. Problems of Regional and National Policy in the 1920–1930s]. Arkhangel'sk: Pomorskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2000. (in Russ.).
- Slavin S. [Issues of Economic Development of the Ukhta-Pechora Region]. *Planovoye khozyaystvo* [Planned Economy], 1935, no. 7, pp. 134–155. (in Russ.).
- Slavin S. V. *Promyshlennoye i transportnoye osvoyeniye Severa SSSR* [Industrial and Transport Development of the North of the USSR]. Moscow: Izd-vo ekonomicheskoy literatury Publ., 1961. (in Russ.).
- Sokolov A. A. [Belogorsk Timber Processing Plant]. *Sovetskaya Arktika* [Soviet Arctic], 1936, no. 9, pp. 45–46. (in Russ.).
- Spetsuro N. V. [Timber Industry in the Third Five-Year Period in the Far North]. *Sovetskaya Arktika* [Soviet Arctic], 1937, no. 2, pp. 81–88. (in Russ.).
- Tarakanov M. A. [Evolution of the Spatial Localization of the Concepts “Far North” and “North” in Russia]. *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2010, vol. 6, no. 26 (83), pp. 32–41. (in Russ.).
- Turovsky R. F. [Geospace and Metaspace: Geographical Methods in Political Science]. *Metod* [Method], 2015, no. 5, pp. 71–89. (in Russ.).
- Vozdvizhensky V. [Development of the Timber Industry and Its Placement in the Third Five-Year Plan]. *Planovoye khozyaystvo* [Planned Economy], 1937, no. 9–10, pp. 78–86. (in Russ.).

Для цитирования: Зыкин И. В. Лесная промышленность и региональное развитие Советского Севера в годы первых пятилеток // Уральский исторический вестник. 2023. № 3(80). С. 190–199. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-190-199.

For citation: Zykina I. V. Forest Industry and Regional Development of the Soviet North during the First Five-Year Plans // Ural Historical Journal, 2023, no. 3(80), pp. 190–199. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-190-199.